

Азурамаджелли прилагал все усилия, чтобы обнаружить военный корабль эльдар, но Котов знал, что для ауспика подобная цель представляет сложности даже в самых благоприятных условиях космоса. Архимагос откинулся на командном троне, подготавливая системы оружия “Сперанцы” и перенаправляя энергию на пушечные палубы. Без щитов появилась возможность увеличить ресурсы для орудий, но, не имея никаких реальных целей, им оставалось только вслепую стрелять в космос и надеяться на лучшее.

— Корабль эльдар находится примерно в верхнем правом квадранте! — крикнул Азурамаджелли.

— Орудия не могут зафиксировать цель, — произнёс Блейлок.

— Увеличить мощность двигателя, — приказал Сайиксек. — Мы не можем сражаться с этим кораблём, не здесь.

— Ничего не меняйте, — возразила Галатея, и загруженная команда Сайиксека была немедленно отклонена. — Мы проходим Шрам Ореола по точно проложенному курсу, иначе не выживем.

— Мы не выживем, если позволим эльдарам беспрепятственно расстреливать нас, — разозлился магистр двигателей, выпустив сердитое облачко ледяного пара.

Котов проигнорировал спорщиков, понимая, что Галатея права. Его разум погружался в глубины стремительного потока духа-машины ковчега, хватка на собственном “я” слабела с каждой секундой.

— Блейлок, — прошептал он фрагментарным и исчезающим бинарным кодом. — Удерживайте мою биометрию.

— Архимагос? — произнёс фабрикатус-локум. — Что вы собираетесь делать?

Котов не ответил и отпустил частицу самосознания, которая не позволяла огромному духу-машине “Сперанцы” затянуть последний осколок его человечности в своё механическое сердце.

Он с головой погрузился в инфосферу и его мгновенно поглотил океан света. Внутренние механизмы “Сперанцы” кружились и росли вокруг Котова в невероятной комплексной решётке фрактальных систем, эвристической алгоритматрице и невозможных переплетениях информации, бросавшей вызов любому смертному разуму. В древних слоях “Сперанцы” прикосновение Галатеи выглядело почти незаметным раздражителем, поверхностным соединением, которое можно разорвать лёгким движением плеч.

Хрупкое сознание Котова погружалось всё глубже и глубже, тонкая, как паутинка “линия

жизни” в руках магоса Блейлока казалась дрожащей нитью в огненной буре золотого света. Вокруг инфотока мерцали системы столь же чуждые архимагосу, как самые тайные ксено-технологии, которые он только мог представить в воспалённых кошмарах, и технологическое эхо машин, которые без сомнения предшествовали самому Империи.

Энергетика, использующая фоновое излучение галактики, чтобы перемещать корабли быстрее скорости света; оружейные технологии, обладавшие мощностью раскалывать планеты; и машины горизонта событий, способные затягивать целые звёздные системы в свои объятия, поглощая время и свет.

Всё это и многое другое хранилось здесь: данные минувших эпох, забытые знания и запертые хранилища, где покоились секреты древних. За один мимолётный взгляд Котов понял, что он был глупцом, направив этот гордый корабль в воющую пустоту космоса в поисках сокрытых тайн.

Сама “Сперанца” являлась величайшей тайной из всех, и в её сердце хранилась истина всего сущего, ключ к разгадке всего, о чём когда-либо мечтали Механикус. И всё же это знание запечатали за непроницаемыми барьерами в сердце могучего корабля по важной причине. Знание золотых людей и их древних предков зашифровали в самих его костях, заключили внутри каждой алмазной спирали его структуры.

Но почему создатели приостановили строительство?

Они боялись последствий, к которым такие знания могут привести в руках следующих поколений?

Они боялись, кем я могу стать...

Слова сформировались в разуме Котова, их нельзя было произнести вслух и разложить на составляющие, они представляли собой великолепно переданное чувство, существовавшее только в виде неизменённых данных.

<Вы “Сперанца”?> спросил Котов.

Это всего лишь последнее из моих имён. За долгую жизнь у меня были и другие. Акаша, Каба, Бируриум, Веда, Грамматик, Иггдрасиль, Провидение... и ещё тысячи и тысячи за долгие эпохи моего существования.

Котов знал, что не слышит слов или чего-то, что можно назвать языком, просто дух в сердце “Сперанцы” изменился, чтобы архимагос смог его понять. Он даже не знал, можно ли существо, с которым он общался, считать отдельной личностью. Возможно, оно было бесконечно древнее и невообразимо огромнее, чем он мог постичь; способной общаться всегалактической сущностью?

Смутно он понимал, что это были не его мысли, а окружавшей инфосферы.

<Вы в опасности, корабль ксеносов атакует нас... вас... и мы не можем победить его.>

Я знаю, но даже если эту металлическую оболочку уничтожат, то я уцелею.

<Но не мы, ваши слуги,> сказал Котов.

Ваши жизни не имеют значения. Почему они должны волновать меня, если я уцелею?

<Я не могу назвать вам причину, кроме той, что мы ищем знания и стремимся к интеллекту. Мы служим именно тому, чем вы, на мой взгляд, являетесь.>

Я ничем не являюсь. Я просто есть.

Котов знал, что не может обратиться к окружавшей его необъятности ни с какими смертными доводами, он не мог надеяться убедить путём угроз, обещаний или материальных благ. Какое дело столь чистому машинному интеллекту и совершенной мысли до жизней смертных, если он существовал с тех пор, как первые люди попытались понять принцип действия рычага?

<Тогда помогите нам, потому что можете.>

Он почувствовал, как Духа-Машины забавляет отчаяние смертного, и молча попросил пробудиться частичке его невероятной мощи.

Хорошо я помогу вам.

Огромное сознание в сердце “Сперанцы” поднялось вокруг архимагоса.

Песчинку разума Котова поглотило водоворотом растущих данных и целей, закружило и зашвырнуло в космическую необъятность информационного океана, где архимагос оказался столь же незначительным и бессмысленным, как пятнышко звёздной пыли против невозможных просторов вселенной.

Бьеланна видела, как свет померк в глазах человека, воинская маска мешала ей чувствовать что-либо кроме дикой радости от его смерти. Вокруг лежали тела экипажа, сломанные и разорванные на куски преследующим гневом аспектных Скорпионов. Объятая пламенем фигура аватара Каэла Менша Кхейна повернулась и направилась назад сквозь портал паутины, который привёл их на мостик человеческого корабля.

Он понял, что здесь больше некому нести смерть и с его уходом звериное желание убивать уменьшилось. Она всё ещё чувствовала прикосновение Кроваворукого Бога и продолжит чувствовать его, пока не позволит воинской маске отступить в запертую клетку души, где держала её на цепи до следующего раза.

Маска уже ускользала из её разума и пусть убирается прочь.

Бьеланна моргнула, словно впервые увидела, где находится.

Мостик человеческого корабля оказался уродливым местом, которое стало ещё уродливее от брызг крови на железных стенах и красных липких луж на палубе. Провидица почувствовала холод, скрытый от высокомерия людей, управлявших кораблём. Он нёс наследие смерти тем, кто бросил вызов его владельцам, и Бьеланна не жалела, что скоро корабль погибнет.

Он разваливался на части, остался без управления и приближался к смертельной орбите нейтронной звезды, которая погубила первое человеческое судно. Бьеланна знала, что должна встать и последовать за аватаром на “Звёздный Клинок”, но пряжа становилась всё яснее по мере того как воинская маска исчезала.

Она ощутила, что рядом кто-то есть, и обратила внимание на резкий край присутствия Тарикуэля.

— Мы должны идти, — сказал он. — Через несколько секунд корабль превратится в атомы.

— Я знаю, — ответила она, но не сдвинулась с места.

— Чего ты ждёшь? Военный лидер космических десантников убит, а те немногие, кто прячется по тёмным углам, скоро к нему присоединятся.

— Потому что я должна быть уверена, — сказала Бьеланна, закрываясь от кровожадного гнева воинской маски Тарикуэля. Она положила руку на разрушенный нагрудник космического десантника, прикосновение к испачканной кровью броне оказалось неприятным, доспех также нёс ужасное наследие резни и убийств. Она закрыла глаза, позволив пряже подняться во всей её бесчисленной сложности.

Непостижимые переплетения пряжи окутали Бьеланну, но внутри Шрама Ореола, где время и судьба являлись абстрактными и искажёнными представлениями, чудовищно деформированное древнее наследие случившейся миллиард лет назад войны высмеивало такие понятия, как уверенность. Нити павших здесь смертных в лучшем случае оказывались мимолётными, и их с трудом удавалось отследить даже в недалёкое прошлое, которое и само изменилось до неузнаваемости.

Провидица нашла нить космического десантника, потрёпанную и кровавую, которая

распуталась до Дантиума, где она впервые обнаружила самое близкое присутствие тех, кто отказывал ей в будущем, которого она так страстно желала. Этот воин был лидером, тем, кто связывал остальных со своей целью, и, конечно же, его смерть должна была лишить их этой цели...

И всё же когда Бьеланна отпустила его нить назад в пряжу, она с болезненным ужасом увидела, что картина смеющихся детей-эльдар стала ещё более далёкой и недостижимой.

Смерть лидера космических десантников не просто никак не повлияла на столь желаемое потенциальное будущее, но оттолкнула его ещё дальше в сферу вероятностей, которые стали ещё менее возможными.

— Нет! — зарыдала она, упав на грудь космического десантника, словно оплакивая его смерть.

Тарикуэль схватил её за руку и рывком поставил на ноги с такой силой, что даже несмотря на броню, остался синяк.

— Нам пора уходить, провидица, — прорычал он.

Прикосновение воина помогло Бьеланне прийти в себя, и сразу же с отвратительной ясностью она поняла, что он прав. Нити пряжи переполняла энергия, и во внезапном и болезненном видении, полном взрывов и расколотых костей духа, провидице открылась приближающаяся к “Звёздному Клинку” опасность.

Слёзы текли по угловатым щекам Бьеланны, когда она направилась за Жалящими Скорпионами назад сквозь портал паутины.

Прошли века или мгновение, промежуток глубокого времени, равный эпохе галактики, или мимолётная жизнь распадающейся атомной частицы. Даже несмотря на механическое тело Котов почувствовал тошнотворное головокружение, когда его сознание вернулось в активный центр мозга, встряхнув разум. Чувства стали ничтожно маленькими, недоразвитыми, их едва хватало для самого простейшего существования, не говоря уже о познании тайн...

Котов изо всех сил пытался вспомнить, где он был и что видел, на каком-то отчаянном сущностном уровне понимая, что жизненно важно не забыть эти вещи.

— Архимагос? — произнёс голос, Котов не сомневался, что должен знать человека, который обращался к нему, но тот оставался совершенно неизвестным. Он не узнавал ничего вокруг, но когда фигура в мантии и капюшоне положила когтистую руку ему на плечо, всё мгновенно изменилось.

— Архимагос? — спросил Таркис Блейлок, его аугмиты передавали напряжение, беспокойство и толику предвкушения.

— Да, — сумел, наконец, ответить он. — Я здесь.

— Аве Деус Механикус, — сказал Блейлок. — Я думал, что вас поглотил дух-машина и вы навсегда потерялись в инфосфере.

— Не надейся, Таркис, — огрызнулся Котов и немедленно пожалел о сказанном.

Хотя он почти ничего не помнил из пережитого в неведомых глубинах машинного сердца “Сперанцы”, если бы Блейлок не поддерживал его “жизненную нить” в органическом мире он бы никогда не вернулся в свой разум.

— Прошу прощения, магос Блейлок, — сказал он. — Я признателен, что вы помогли вернуть меня.

Блейлок кивнул. — Вы преуспели?

— Преуспел? — переспросил Котов. — Я... я не знаю.

— Да, он преуспел, — заявила Галатея, лязгая неуклюжими ногами и встав перед ним. — Разве вы не чувствуете, как отозвалось огромное сердце судна?

Котов уставился на гибридный машинный интеллект и существо, казавшееся всего несколько мгновений назад невероятно сложным и грозным, теперь выглядело маленьким и примитивным, как колёсный пистолет рядом с макропушкой.

Мостик по-прежнему освещали многочисленные ретрансляторы угрозы, индикаторы повреждений и каскадные списки хроно-гравометрических предупреждений, но теперь на них накладывался слабый дождь информационно-насыщенного света, который пронизывал существующие потоки данных и успокаивал специализированными алгоритмами совершенного кода.

По всему кораблю активировались системы, о существовании которых Котов даже не подозревал, а те, что оказались слепыми и бесполезными из-за ярости Шрама Ореола начинали работать, как ни в чём не бывало. Циклические прицельные комплексы, о наличии которых у “Сперанцы” он даже помыслить не мог, и другие системы, не доступные его пониманию, вспыхивали перед астронавигационными и техническими постами.

Азурамаджелли и Сайиксек отшатнулись, растерянные и немного напуганные этой неизвестной силой, поднимавшейся вокруг них. Прямо на красном главном экране само собой появилось изображение корабля ксеносов. Он оказался гладким и изящным, корпус напоминал конический драгоценный камень с высоким парусом, вздымавшимся в гравитационных бурях. Картинка мерцала и танцевала, словно пытаясь скрыться, как дразнящая куртизанка, но какие бы матрицы не работали в сердце “Сперанцы” они легко игнорировали её наваждения.

— Возвращайтесь на посты, — приказал Блейлок, изучая поступавшую информацию.

Сайиксек кивнул и каркас Азурамаджелли отступил к центру астронавигации, загружая поток возродившейся информации, пока флот эксплораторов передавал свои координаты в ноосферу. Это были неточные координаты, но, по крайней мере, Котов смог понять, какими ресурсами в данный момент обладает. Он увидел, что многие вспомогательные суда пропали, и оставалось только предполагать, что неистовые волны и разрывные течения сбили их с курса и сокрушили в гравитационных штормах.

— Отчёт, — велел Котов, когда информационные символы замигали по всей палубе.

— “Дитя Гнева” и “Дитя Луны” приблизились и заняли позиции для атаки, — ответил Азурамаджелли.

— “Мортис Фосс” докладывает, что торпеды наведены на цель, — добавил Сайиксек.

Не сумев скрыть радость в аугметическом голосе Криптаэстрекс произнёс. — Я получаю множество запросов на открытие огня, архимагос. Я не в состоянии определить их источник или происхождение систем оружия, но все они нацелены на корабль ксеносов.

Котов включил стабильный вокс-канал со всеми боевыми кораблями флота.

— Всем судам открыть огонь, — приказал он. — Я хочу уничтожить этот корабль.

Корпус “Сперанцы” задрожал, когда скрытая в надстройке система оружия начала подниматься на сверхмощных опорах. Из наклонных плит ковчега Механикус появился ствол огромного орудия, напоминая возведение исполинского менгира на священном месте какого-то племени. Внутри оружия пробудились энергии, которые редко встречались в пределах Империи ещё до Объединительных Войн, и пара вращавшихся тороидов закружилась по извилистым дугам вокруг конического ствола.

Элементы технологии, использованные при его создании, были бы знакомы некоторым из магосов, посветивших жизнь изучению самых эзотерических разделов науки, связанных с исследованиями чёрных дыр и релятивистских временных тайн, но их совокупная сложность привела бы в замешательство даже генерал-фабрикатора Марса. Пульсирующие потоки фиолетового антивещества и гравитонные насосы непостижимым образом объединились в сердце реактора, который получал энергию из межзвёздной тёмной материи. Это оружие создали вскрывать величественных левиафанов древней войны, оно было убийцей космических кораблей, дарующим окончательный смертельный удар.

Не получая никаких команд с мостика “Сперанцы” оружие выпустило беззвучный импульс, который преодолел расстояние до “Звёздного Клинка” со скоростью света.

Но даже это оказалось недостаточно быстро, чтобы попасть в проворный корабль, построенный певцами кости Бьель-Тана, и ведомый, обладающей даром предвидения провидицей. Импульс тёмной энергии слился в единое целое в ста километрах от кормы, и появилась миниатюрная чёрная дыра, которая с воющей силой затягивала всё в пределах досягаемости. Звёздное вещество, свет и гравитация были сокрушены и уничтожены, и даже скорость и манёвренность “Звёздного Клинка” не помогли избежать вторичных эффектов смертельных энергий оружия, которые задели солнечный парус. Хронооружие отправило цель на наносекунду в прошлое, субатомные реакции в каждой молекуле совершили микроскопическое движение и заставили переместиться одинаковые нейтроны в одно и то же квантовое пространство.

Такое состояние являлось нестабильным на самом фундаментальном уровне, и последующее выделение энергии оказывалось катастрофическим для подавляющего большинства объектов, поражённых таким оружием. Несмотря на то что “Звёздный Клинок” находился только на периферии расходящихся волн хронометрической энергии, солнечная мачта взорвалась, словно её заполнили взрывчаткой. Парус сорвало прочь, а фантомные изображения замерцали, когда психопроводящая кость духа закричала в предсмертной агонии. Синее пламя вырвалось из средних палуб, и взрыв отбросил накренившийся корабль.

Ранее искажённое и фрагментарное изображение “Звёздного Клинка” обрело чёткость, и кружившие капитаны флота Котова не стали тратить время зря, и выпускали один торпедный залп за другим по недавно показавшемуся кораблю.

Первым выстрелил “Мортис Фосс”, выпустив тридцать боеголовок, нацеленных расширяющейся сетью, которая делала спасение почти невозможным. “Дитя Гнева” и “Дитя Луны” последовали его примеру, и обрушили накрывающие веерные залпы торпед, а затем повернулись, собираясь пустить в ход бортовые ланс-батареи. Острые лучи высокомошной энергии засверкали к “Звёздному Клинку” и если бы сражение происходило в обычном космосе, то корабль эльдар превратился бы в быстро распустившийся цветок разрушенной кости духа, горящего кислорода и раскалённых добела обломков.

Гравитационные капризы Шрама Ореола сделали условия боя невероятно тяжёлыми и всего лишь несколько торпед врезались в правый борт, вырвав большие куски внутренностей в неистовых огненных бурях взрывов.

Даже несмотря на точность, обеспеченную пробудившимся машинным сердцем “Сперанцы”, было невозможно сказать, выжил ли кто-то в вихре лансов, торпед и сокрушительной мощи временной чёрной дыры. Вихрь уничтожил сам себя в самопожирающем шторме самосожжения и к тому времени, когда его неистовая ярость растворилась в фоновом излучении Шрама, ни осталось ничего, чтобы указывало бы на присутствие “Звёздного Клинка”.

Все капитаны понимали, что корабль эльдар, скорее всего, пережил шквал огня, но по палубам разнеслись ликующие крики матросов, многие из которых и не надеялись пережить сражение. Теперь в Шраме Ореола на многие годы останется мерзкое электромагнитное месиво с зашкаливающей грязной радиацией, рисуя яркую картину космического сражения для любого пожелавшего на неё взглянуть.

С величественной неторопливостью хронооружие начало опускаться из боевого положения, пока снова не скрылось в безопасности внутри корпуса “Сперанцы”, невидимое и неразличимое от окружающей надстройки, как явно и задумали его создатели.

Где-то там всё ещё оставался “Звёздный Клинок”, но на данный момент исходящая от него угроза была нейтрализована, абордаж отбит, а капитану ксеносов преподан ценный урок смирения.

И с отступлением корабля эльдар флот Котова продолжил путешествие.

В конечном счёте, потребовалось ещё шесть дней плавания и потеря семи судов, прежде чем авангард исследовательского флота архимагоса Котова, наконец, вырвался за пределы гравитационных границ Шрама Ореола. Одно перерабатывающее судно погибло после того как в пультах астронавигации произошла ошибка, которая привела к дробной степени отклонения от предписанной исходной точки, что закончилось выходом из безопасного коридора.

Двойная нейтронная звезда поймала судно гравитационными волнами и разломила надвое. Гибель корабля оказалась милосердно быстрой, обе половины сокрушили и поглотили, прибавив сталь, плоть и кости к злобной массе умирающих звёзд. На двух опустевших топливозаправщиках вышли из строя двигатели, и они сошли с курса, прежде чем отчаявшиеся технопровидцы Механикус успели перезапустить плазменные реакторы.

Оставшиеся четыре — корабль-кузня, солнечный коллектор и два грузовых судна — пропали бесследно, и об их судьбе ничего не было известно.

Капитаны просто перестали присылать отчёты о местоположении и никакие попытки связаться с ними или определить точные координаты не увенчались успехом. Шрам Ореола поглотил их точно так же, как если бы их уничтожил корабль эльдар.

“Мортис Фосс” стал первым кораблём, на котором зарегистрировали нормализацию гравитационных полей и возвращение показаний передовых ауспиков и топографов к номинальным уровням. Это произошло не сразу, просто постепенно уменьшались аномальная гравитация и световое искажение, а когда самые опасные из умирающих звёзд остались позади последний отпрыск с мира-кузни Фосс Прайм пролетел сквозь рассеянные облака звёздного газа и пыли на размытой границе Шрама Ореола.

При первой же возможности капитан остановила корабль и начала детальное топографическое сканирование окружающего глухого космоса. Полученные данные оказались не столь впечатляющими, как ожидалось, но от этого они не стали менее пугающими.

В течение следующего дня всё больше и больше кораблей вырывались из глубин Шрама Ореола: помятые, искривлённые и повреждённые, но торжествующие, что преодолели регион космоса, забравший столь много душ.

“Сперанца” появилась два дня спустя после “Мортис Фосса” и с благодарностью загрузила информацию, собранную капитаном меньшего судна. В зале астронавигации магосы Тихоны несколько суток создавали карту раскинувшегося перед ними пространства: неизвестные солнца, просторные заливы и ослепительные полосы ярко-красного света стареющего красного гиганта в центре умирающей звёздной системы, где оказалась “Сперанца”.

Обречённая система почти полностью находилась во власти безудержных ядерных реакций в ядре звезды. Если какие-то внутренние планеты раньше и существовали, то они давно погибли — их поглотила растущая корона звезды, и последний уцелевший мир представлял собой бледный шар, который висел, словно блестящий алмаз в самой дальней точке досягаемости гравитации.

Разумеется, при обычных обстоятельствах от охваченной предсмертными муками звезды старались держаться как можно дальше, пространство внутри системы было слишком изменчивым и насыщенным выброшенным веществом и радиацией, чтобы рисковать приближаться.

И всё же это была последняя выжившая планета, куда Робавут Сюркуф привёл флот Котова.

Робавут смотрел на бурлящее марево раздувшегося красного гиганта одновременно с благоговением и грустью. Звезда родилась десять миллиардов лет назад, но уже исчерпала запасы топлива и жизнь её подходила к концу. За своё невероятно долгое существование она познала много обликов, сияла в различных спектрах и дарила свет и тепло исчезнувшим планетам, которые когда-то вращались на орбите её живительных лучей.

Возможно, ей когда-то поклонялись и, возможно, за долгую жизнь у неё сменилось много имён, но теперь она превратилась во всего лишь умирающий пережиток эпохи, когда юная галактика спотыкалась, делая первые шаги на пути звёздной эволюции. Архимагос Котов назвал её Арктур Ультра, именем, которое на взгляд Робавута подходило сразу по нескольким причинам.

Он сидел на поднятом контактном сиденье рядом с троном Котова, подключившись через спинные разъёмы к ноосфере “Сперанцы”, и наблюдая за траекториями курса магоса Азурамаджелли. Они направлялись к последней планете системы Арктур Ультра, миру, которому пока удавалось пережить расширявшиеся предсмертные муки местного солнца, потому что его орбита пролежала вдали от звёздных реакций, грозящих уничтожить его. Робавуту предоставили честь присвоить планете идентификатор, и капитан решил назвать её в память о чём-нибудь прекрасном и ныне утраченном для него.

Он назвал планету Катен Вениа, и именно этот мир указывался в качестве места назначения на диске с данными, который он, наконец, вручил архимагосу Котову. После выхода из Шрама Ореола Робавут сдержал соглашение с архимагосом и направился прямо на мостик “Сперанцы”.

Он торжественно передал его в механические руки Котова, который потратил мгновение, наслаждаясь тиснёной золотом поверхностью, после чего поместил диск в маяк,

установленный позади командного трона. Загруженные астронавигационные данные автоматически синхронизировались с местной звёздной картой, и было быстро вычислено, что корабль, с которого запустили маяк, находится у последнего уцелевшего мира системы Арктур Ультра.

Разведывательные сервиторы-дроны, отправленные к внешним границам системы, передали более детальную картину Катен Вениа: её поверхность представляла собой кристаллическую пустошь с пиками кварца и экзотическими радиационными частицами. Слабый, но безошибочно имперский сигнал, передавался из зубчатого подножия изрезанных кристаллических горных хребтов, предположительно из обломков “Томиоки”, потерянного флагмана магоса Телока.

Магос Азурамаджелли и магос Блейлок не тратили время понапрасну и проложили оптимальный курс к источнику сигнала. И, несмотря на потери в Шраме Ореола, настроение на мостике можно было назвать оптимистичным. До планеты всё ещё оставалось десять далёких дней, но она казалась столь близкой, что достаточно просто протянуть руку и сорвать её алмазный блеск с небес, как драгоценный камень сияющего света.

— Логично, что мы должны найти новые начинания в месте, где завершились прежние, — произнёс Котов, подзывая к себе кружившийся шар света.

В честь преодоления Шрама Ореола и путешествия в неизведанный космос за пределами Империи архимагос Котов решил переместить свой череп с воинского аспекта на более величественный. Это тело автомата было облачено в мантию и покрыто благородными металлами, драгоценными камнями и бинарными молитвенными лентами. Тяжёлый плащ из серебряных колец ниспадал волнами гексаматической геометрии и хотя не было видно явных признаков наличия оружия не вызывало никаких сомнений, что его с лёгкостью могли заменить три согнутых серворуки с многочисленными зажимами, дрелями и клещами.

— Сколько осталось времени, прежде чем звезда взорвётся? — спросил Робаут.

— Судя по излучению и составу выброшенных веществ возможно ещё несколько миллионов лет, — ответил Котов.

Робаут кивнул. На самом деле он не считал, что звезда может застать их врасплох, внезапно превратившись в сверхновую, но её странная и враждебная природа заставляла капитана с опаской относиться к невидимым реакциям в ядре местного солнца.

— Я едва могу даже вообразить такие промежутки времени, — сказал он. — Их достаточно для появления целых рас, падения и возвышения бесчисленных звёздных империй и десятков периодов вымирания целых видов.

— Человеческий разум почти неспособен наглядно представить такие колоссальные периоды относительно своего бесконечно малого существования, — произнесла Галатея. — Он воспринимает подобные события почти статичными, когда реальность не может быть более

быстрой.

Робаут посмотрел на машину, сидевшую на корточках в центре командной палубы, она напоминала гротескного нападающего из засады хищника, который приспособивался к новому логову. Котов объяснил ему историю появления гештальт-существа, но Робаут чувствовал, что осталось много недосказанного.

Было очевидно, что магосы на мостике смертельно боятся Галатею, и учитывая лёгкость, с которой она оказалась на “Сперанце”, он подозревал, что для этого страха есть серьёзная причина. Для Робаута это не имело значения. После того, как он привёл Котова к Катен Вениа, больше ничто его не связывало с делами Адептус Механикус.

Он был свободен и чист перед Империумом, никому не служил и ограничен только собственным чувством открытия и воображения. Ему требовалась вся сила воли, чтобы продолжать сидеть, а не помчаться на “Ренард” и не полететь к ближайшей пригодной для жизни системе и узнать, что там.

От второй звезды направо и прямо до утра...

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657646>